

Я точно помню, что происходило 8 декабря 1991 года. Даже сейчас, много лет спустя, тот день напоминает о себе ноющей болью в спине. Мне было всего 12 лет, когда родители созвали друзей на дачу праздновать какой-то особый день. Хотя они уже тогда не ладили между собой, на людях старались казаться крепкой семьёй без проблем.

Я помню двор, покрытый глубоким снегом, радостный визг детей, носившихся по дому, тётушек и дядюшек, приехавших со всех концов страны. Помню, собралось тогда 15 человек, но за большим столом хватило места всем. Помню запах мяса, румянившегося на исходивших жаром углях. Усатый дядя, шутками и прибаутками сопровождавший приготовление блюда, ловко орудовал шампурами и даже дал мне попробовать шашлык первому. Наверное, с тех пор я и не ел такого вкусного шашлыка.

— Ваня, — услышал я голос мамы. — Вань! Ну где ты?

— Тут я, мам, — отозвался я.

— Сбегай скорее к соседям, попроси тарелки.

С тарелками у нас всегда была беда. Они быстро заканчивались. Ну как заканчивались? Бились. Нещадно разбивались родителями об пол при каждом скандале. А скандалили они почти каждый день.

— К соседям? А можно? – удивился я.

Родители никогда не пускали меня к соседям. Соседской дочке — высокой, стройной девушке с длинными золотыми волосами — было около 18 лет. Несколько раз я видел её, когда их семья приезжала на машине. И лишь однажды она почтила меня

своим взглядом, стремительным, пронзительным, но достаточным, чтобы я успел прочитать в её глазах интерес.

Мама говорила, что соседи не нравятся папе. Между нами был высокий глухой забор, так что подсмотреть что-либо не было никакой возможности. Папа иногда что-то рассказывал о них, но только плохое. Он называл соседей «загнивающими». Иногда я слышал их голоса через забор, но то ли забор был слишком высоким, то ли они говорили на непонятном мне языке, слов я разобрать не мог.

— Да что делать-то теперь? Не со стола же гости есть будут?! — всплеснула руками мама.

— Сколько штук?

— Возьми сколько дадут, — а потом, обращаясь к себе, добавила: — Надеюсь, сегодня не поругаемся.

Соседи жили слева от нас, за красивыми широкими воротами. Потоптавшись перед калиткой, я толкнул её и с удивлением понял, что она не заперта. Пройдя во двор, огляделся. Везде царили идеальные чистота и порядок. Даже снег был убран в аккуратные остроконечные сугробы. Двор был ровным и большим, без единого дерева, словно городская площадь. Я представил наш двор, где по углам были собраны старые коляски, доски, пластмассовые ящики из-под водки, ржавеющий под всеми ветрами остов какого-то автомобиля, несколько лет назад притащенного папой для сборки, но до которого так и не дошли руки.

Казалось, что в доме никого не было. Не было и машины, на которой обычно приезжали соседи. Постояв немного, я уже собрался уходить, когда обратил внимание на дымок, исходящий из трубы бани. Баня была высокая, из цельных сосновых брёвен, с единственной, почти у крыши, форточкой. У входа в баню лежала небольшая ванночка с ковшом и женские сапожки красного цвета на высоком каблучке. Я хорошо помнил эти сапожки, они принадлежали соседской дочке. Меня вдруг обуяло непреодолимое желание посмотреть на неё. Хоть краем глаза, хоть на секундочку увидеть то, на что не положено смотреть. Желание было столь сильным, что, не отдавая себе отчёта в своих действиях и потерявши всякий страх, я стал носиться по двору в поисках

чего-нибудь такого, что можно подложить под ноги, чтобы дотянуться до форточки.

Вдруг за баней увидел поленницу с большими поленьями. Перетащив несколько из них и поставив друг на друга, я, балансируя, словно заправский циркач, смог дотянуться до форточки и заглянуть внутрь. И сразу же увидел ЕЁ! Она стояла перед большим зеркалом предбанника и расчёсывала волосы. Девушка была одна. Обвязанного вокруг тела махрового полотенца хватило лишь на то, чтобы прикрыть грудь и чуть-чуть закрыть бёдра. Чтобы лучше разглядеть её, я подался вперёд и прильнул к вспотевавшему от моего дыхания стеклу. Это маленькое движение не осталось незамеченным. Девушка подняла глаза и через зеркало посмотрела на меня. Я почувствовал, как от стыда моё лицо заливаётся густой краской, казалось, что даже сердце — и то перестало стучать, а дыхание спёрло так, словно на грудь уронили бетонную плиту. Мне бы убежать в этот момент, исчезнуть и никогда-никогда больше не показываться ей на глаза, но неведомая сила, словно магнитом, приклеила меня к форточке, не давая отвести взгляд. К моему удивлению, девушка не кричала и не ругалась. Она повернулась ко мне и, скрестив руки на груди, нарочито сердито смотрела на меня. Затем последовало то, чего я, двенадцатилетний пацан, никак не мог ожидать. Улыбнувшись какой-то загадочной улыбкой, она одним движением смахнула с себя полотенце и предстала передо мной совершенно голой. Её изящная, словно у фарфоровой танцовщицы, фигура выглядела ещё красивее в тёплом свете настенных бра. Отведя назад прядь волос, она провела рукой по спелой груди, погладила бока и, встав на цыпочки, повернулась ко мне спиной, предлагая полюбоваться своими ягодицами. Стало очень жарко. Я почувствовал, как неведомое доселе сладостное чувство сковало мне ноги и поднималось снизу живота. Последнее, что я увидел через форточку, как девушка, не отводя от меня взгляда, медленно нагибалась вперёд... Через секунду я с блаженной улыбкой вверх тормашками летел на землю с высоты трёх метров.

...Не знаю, сколько я был без сознания, но первое, что я увидел, открыв глаза, было заплаканное лицо мамы. Я лежал на

диване у себя дома. Никого из гостей уже не было. Папа разговаривал с каким-то человеком в белом халате. Я запомнил его очки и большую родинку на лысой голове.

— Не жилец, — услышал я голос врача, уже стоявшего у дверей.

— Ошибаетесь, — успел подумать я и снова провалился в темноту.